

Н. Н. ГРАЦИАНСКАЯ

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ *

Во время поездки по Чехословакии, длившейся два месяца (с 15 IX до 19. XI 1956 г.), у меня, кроме общего ознакомления с работой этнографических учреждений страны, было еще и специальное задание: собрать дополнительный материал по теме «Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX—XX вв.», над которой я работаю в течение нескольких лет. Литература по этому вопросу очень небогата: по существу до сих пор не появилось ни одной обобщающей работы по крестьянским постройкам Словакии.

По приезде в Словакию я прежде всего постаралась установить контакт со специалистами, изучающими «народную архитектуру». Этот термин в Чехословакии довольно точен, так как крестьянскими постройками здесь занимаются чаще всего архитекторы. В рамках Института памятников Словацкой Академии наук существует этнографический отдел. Он ведет большую полевую работу: в поле намечаются объекты, объявляемые затем памятниками, которые охраняются государством. В основном это касается наиболее архаичных построек или целой группы их. Крестьянские жилища изучаются здесь только с архитектурной точки зрения, а не в качестве хозяйственно-бытового комплекса. Целью изучения является использование традиционных черт народной архитектуры в современном строительстве.

Из этнографов крестьянскими постройками занимаются директор Института этнографии Словацкой Академии наук д-р Ян Мьяртан и доцент кафедры этнографии Университета им. А. Коменского д-р Рудольф Беднарик. И д-р Мьяртан, и д-р Беднарик — прекрасные знатоки материала. Но, к сожалению, оба они занимаются разработкой лишь частных тем в области «народной архитектуры». Так, последней работой д-ра Мьяртана является раздел, посвященный поселениям и постройкам, в коллективной монографии сотрудников Института этнографии Словацкой Академии наук — «Горняцкий поселок Жакаровцы». Д-р Беднарик подготовил к печати большую работу о росписи крестьянских жилищ южной Словакии.

Благодаря необыкновенно внимательному отношению ко мне всех сотрудников Института этнографии и сотрудника этнографического отдела Института памятников д-ра Писоня, я получила возможность ознакомиться с множеством полевых материалов по крестьянским постройкам Словакии, хранящихся в архивах этих научных учреждений. Особо мне хотелось бы поблагодарить д-ра Мьяртана и д-ра Беднарика за их исчерпывающие консультации по вопросам изучения крестьянских построек Словакии.

Сотрудники Института этнографии помогли мне разработать несколько маршрутов по стране. Мне удалось побывать в горной северной Словакии, в западной Словакии — в районах Мийавы и Загорья, в южной Словакии — в районах Новых Замков, Пезинка и Модрой. К сожалению, самая большая поездка в восточную Словакию не состоялась, а область эта очень интересна и крайне мало изучена.

Что же мне удалось увидеть в поле? Прежде всего, о старых постройках. Старых, довольно точно датированных построек в деревнях Словакии сохранилось еще очень много. Большинство из них относится ко второй половине XIX в., но есть и более старые — конца XVIII — начала XIX вв. Они довольно однородны, но их отчетливо можно разделить на срубные постройки горных районов (см. рис. 1) и глинобитные (или саманные) постройки южной, равнинной Словакии (см. рис. 2). Различия в старом крестьянском жилище этих двух крупных областей касались в основном лишь строительного материала. Никаких других принципиальных различий не было. Сохранялась типичная для всей Словакии трехраздельная планировка дома, состоящего из избы, сеней и комнаты. Одинаковым было и бытовое использование каждой из составных частей этой жилой связи.

Старые крестьянские жилища горной, экономически наиболее отсталой области Словакии сохраняли по сравнению с равнинными областями гораздо большую архаичность. До сих пор здесь сохранились необычайно примитивные по своему устройству

* Настоящая статья написана с учетом опубликованной в предыдущем номере журнала статьи Л. П. Потапова «Поездка в Чехословакию».

хлебные печи, топившиеся по-черному. Правда, устье печи не в избе, а в сенях, но дым выходит прямо под крышу, никакого дымохода не существует. Сейчас в таких печах хлеб уже не пекут, да и готовят теперь не на очаге перед устьем печи, как прежде, а на плите, расположенной в избе. Все эти старые крестьянские жилища с их примитивным внутренним устройством принадлежали деревенской бедноте, у которой не хватало средств на постройку нового дома.

Рис. 1. Срубные дома в поселке Груштин Жилинской обл. (Фотоархив Ин-та этнографии Словацкой Академии наук)

Рис. 2. Старый крестьянский дом в поселке Чатай Братиславской обл. (южная Словакия)

Что касается внутренней обстановки крестьянских жилищ, то до сих пор, особенно в горных деревнях Словакии, часто можно встретить в старых домах примитивную самодельную мебель с традиционным расположением отдельных ее составных частей. Да и в равнинной Словакии можно встретить то же самое. Но в южной Словакии ин-

терьеры жилищ гораздо более тщательно украшаются. Здесь часто встречается и красочная роспись на стенах. Подобным украшением жилища занимаются только женщины. В трех селах Братиславской области — Дворнике, Виничне и Словенском Гробе — живут известные народные художницы, специалисты по настенной росписи, — Брудерова, Гашпаровичова и Шилгарова. Вся роспись интерьеров крестьянских жилищ названных сел сделана их руками.

В словацких селах бросаются в глаза «длинные дома» (как называют их словацкие этнографы). Они широко распространены во всех областях Словакии, как в горной, так и в равнинной ее части. Это, по существу, «многоквартирные» дома, т. е. несколько крестьянских жилищ (трехраздельных или двухраздельных, часто и с хозяйственными

Рис. 3. «Длинный дом» в дер. Гомбаш Жилинской обл. (северная Словакия)

Рис. 4. Строящийся дом в поселке Смоленицы Братиславской обл.

постройками), стоящих под одной крышей и построенных одно за другим в одном общем дворе (см. рис. 3). В таких «дворах-улочках», как их называют, бывает до 8—10 хозяев, причем большинство из них уже не состоит в родственных отношениях.

По поводу происхождения «длинных домов» Словакии высказывались самые разные теории. Большинство словацких этнографов объясняют их возникновение так: еще в конце XVIII в. по урбаниальной реформе Марии Терезии был установлен размер «интравилана», т. е. всех участков, отведенных под крестьянские постройки деревни.

С тех пор размер каждого участка оставался неизменным, так как феодальные землевладельцы, не получавшие податей с приусадебных участков, были заинтересованы в том, чтобы они не увеличивались. С ростом же населения деревни приусадебные участки дробились до бесконечности в ширину, а затем и в длину; в глубине двора к старому жилищу пристраивались все новые и новые. Это — теория известного словацкого историка Ст. Яншака, и большинство ученых ее принимают. Следует, однако, отметить, что большая часть «длинных домов» Словакии появилась во второй половине XIX в., т. е. уже после отмены крепостного права, и более того — они продолжали возникать вплоть до первой мировой войны. При этом вначале, как говорят старые жители этих «длинных домов», здесь жили родственные семьи.

Венгерский этнограф Бела Гунда, занимавшийся в последние годы проблемой «длинных домов» в Словакии, связал их с домашней общиной. Он объявил эти «длинные дома» задружными домами. Но нам кажется, что он неправ, хотя связь с большой семьей здесь, несомненно, есть.

Большая патриархальная семья в Словакии сохранялась очень долго, вплоть до середины или конца XIX в., т. е. до периода широкого проникновения капитализма в словацкую деревню. До тех пор словацкие «большие семьи» жили в одном доме и вели общее хозяйство. Отдельные малые семьи в ее составе имели и свои помещения, но это обычно были холодные коморы, которые служили лишь спальнями. Если же малая семья селилась в отдельном доме со своим собственным очагом, то это означало ее хозяйственное отделение от «большой семьи» и раздел общей до тех пор земли.

В одном из последних номеров журнала «Чехословацкая этнография» напечатана очень интересная статья С. Швецовой¹, посвященная изучению жилища одного из сел Восточной Словакии и написанная на основании полевых материалов. С. Швецова выяснила, что в селе Трнава при Лаборцы «длинные дома» возникли только в конце 90-х годов прошлого века, когда при участившихся разделах родственные семьи, не имевшие средств для приобретения нового приусадебного участка, пристраивали свой дом сзади родительского дома на том же дворе. Часто отдельные семьи продавали свое жилище с участком двора, в результате чего теперь в «длинных домах» живут обычно семьи, не связанные родственными отношениями.

По всей вероятности, то же можно сказать и о «длинных домах» других районов Словакии.

Решающую роль в массовом появлении «длинных домов» в Словакии сыграло, как мне кажется, не сохранение домашней общины, а быстрый процесс распада большой неразделенной семьи. Правда, материал, собранный в Словакии, мною еще не окончательно обработан, но изучение жилища в связи с историей семейных отношений, особенно в Словакии с ее архаичными формами семьи, сохранявшимися вплоть до конца XIX в., может дать очень интересные результаты.

Что же прежде всего поражает сейчас в Словакии? Это, конечно, небывалый размах нового строительства, размеры которого трудно передать. Идет строительство фабрик и заводов. Особенно много их строится в горных районах Словакии. Например, в наиболее отсталом в прошлом районе, так называемом Горегронье, где крайне мало земли и она малоплодородна (этот район давал ранее огромное количество отходов), выросло множество деревообделочных, лесопильных, химических заводов. Буквально в каждой из деревенских семей этого района кто-нибудь работает на предприятии, земледелием же занимаются в основном женщины. Сельскохозяйственных кооперативов здесь много, но меньше, чем в южных районах Словакии. Часто здесь можно видеть, как рядом с кооперативным полем, где работают новейшие сельскохозяйственные машины, на полосках земли, принадлежащей единоличнику, работают на волах или даже на коровах. Правда, такую картину можно увидеть и в единоличных хозяйствах южной Словакии и даже в Чехии.

Сооружение промышленных предприятий проводится по государственному плану индустриализации Словакии. Наряду с ними строится большое количество жилых домов. Одни из них планируются районными властями, и на их строительство выделяются ссуды, другие сооружаются по инициативе будущих обитателей этих домов, так сказать вне плана.

Таким образом, в Словакии происходит процесс перемещения сельского населения, вовлекаемого в промышленность и строящего новые дома вблизи промышленных предприятий в районах, мало до сих пор населенных. Но кроме того, новые дома строят и крестьяне, коренные жители словацких деревень, обитавшие до сих пор в старых домах. Жилищное строительство в словацкой деревне приняло такой массовый характер, что оно идет уже стихийно и говорит о быстром росте материального благосостояния населения. В каждой деревушке, в каждом поселке мы видели десятки строящихся домов. Строят их на собственные средства, иногда рядом со старым жилищем, но чаще всего за пределами деревни на собственных приусадебных участках. Строят всей семьей, заранее заготавливая всякого рода строительный материал, который постоянно комбинируется. Это и обожженный кирпич, и сырцовый, и шлакобетонные «квадры», как там их называют. Иногда же отдельные стены или часть стены делаются просто глинобитными. Весь этот строительный материал изготовляют сами. Строятся

¹ S. Švecová, Vvoj byvania v Trnave pri Laborci «Československá ethnografie». 1956, стр. 4.

и новые срубные дома, но редко, так как строительный лес дорог. Для кладки дома приглашают обычно мастера, но помогают ему всей семьей.

Как правило, новые дома стандартны и далеки от традиционных. Это дома типа городских коттеджей, обычно с мезонином (см. рис. 4). Для крестьянского хозяйства они неудобны, пристроенные к ним хозяйственные помещения выглядят странно. Но по одному стандартному плану строить, видимо, выгоднее. Кроме того, городского типа дома здесь сейчас модны, и каждый мечтает именно о таком доме. Новое жилищное строительство в Словакии стало настолько массовым, что, видимо, через

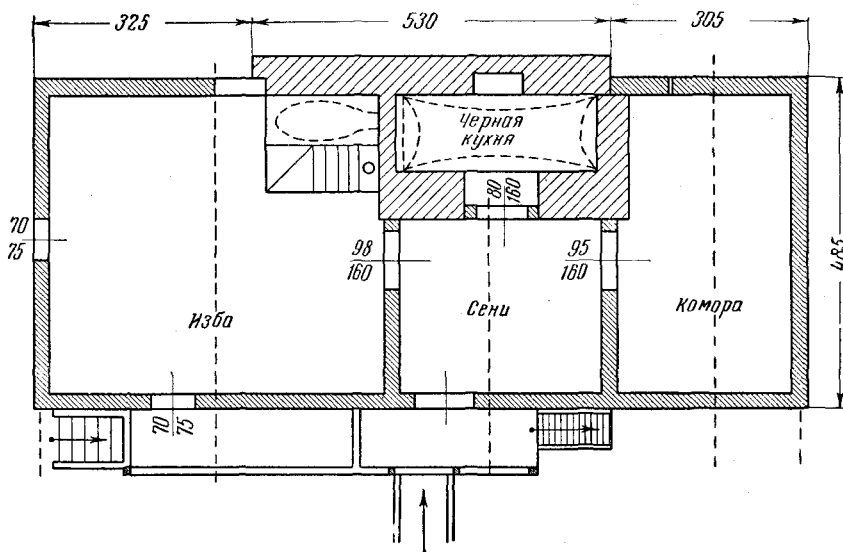

Рис. 5. План старого крестьянского жилища с «черной кухней», поселок Лоу-нев Пильзенской обл. (Из архива Областного музея в г. Пильзень)

два-три года от построек архаичного типа ничего не останется. Мне повезло попасть в страну именно в такой момент, когда еще можно было видеть и старое, и новое, а для этнографа это очень важно.

Занимаясь специально темой крестьянских построек, я пыталась расширить территориально область их изучения, во время маршрутных выездов по Чехии и Моравии. В Чехии и Моравии мы, т. е. проф. Л. П. Потапов и я, пробыли около месяца. Мы побывали в западных и южных областях Чехии и на Чешско-Моравской возвышенности. По южной Чехии мы ездили вместе с крупнейшим специалистом по чешским народным постройкам д-ром Эммануэлем Балашом. Нужно сказать, что д-р Балаш, как и словацкие ученые, сделал все для того, чтобы я могла в короткий срок ознакомиться с основными особенностями крестьянских построек Чехии. В Праге, в Институте этнографии и фольклористики я познакомилась с архивом, где хранятся полевые материалы, собранные д-ром Балашом за последние 15 лет в различных районах Чехии и Моравии. Правда, здесь собран материал по наиболее архаичным постройкам, но и они для меня были очень интересны.

Прежде всего меня интересовал вопрос о чешской «черной кухне». «Черная кухня» одно время в литературе считалась как раз тем, что, собственно, отличало чешское крестьянское жилище от жилища других западнославянских народов. Ее распространение в Чехии объяснялось или немецким, или южнославянским влиянием. В частности, А. Харузин полностью отождествлял жилище чешского крестьянина с жилищем словенца.

«Черная кухня» в чешских деревнях очень напоминает прибалтийские каминь, встречающиеся в основном в Литве и Латвии. Она расположена в сенях, имеет конусообразный потолок, кончающийся широким дымоходом. Сюда же выходит устье хлебной печи, расположенной в избе. Стены этой «черной кухни» обложены кирпичом снизу доверху, а сама постройка чаще всего срубная (см. рис. 5). «Черные кухни» в чешских деревнях были распространены очень широко. Они сохранились до сих пор в старых крестьянских домах целого ряда областей Чехии.

Из архивных данных, собранных чехословацкими учеными, стало ясно, что появление «черных кухонь» в Чехии относится к сравнительно позднему времени и не связано с особой этнической традицией. По постановлению Иосифа II в конце XVIII в все помещения с очагами должны были быть выложены камнем. До этого в Чехии были такие же сени с открытыми дымоходами, как в южной части Словакии, а еще раньше, видимо в XVI в., сени в чешском крестьянском жилище, как и у всех западных и восточных славян, были холодным помещением, устье же печи находилось

в избе. У южных же славян, в частности, у словенцев, еще в древности «вежа», т. е. помещение, соответствующее нашим селям, было центральным отапливаемым помещением.

В чешской деревне до сих пор сохранились большие контрасты: рядом со старыми срубными домишками стоят городского типа двухэтажные дома, принадлежавшие наиболее зажиточным крестьянам. Новое жилищное строительство здесь идет более медленными темпами, чем в Словакии. Строят в основном сельскохозяйственные кооперативы. Мы были в одном из новых кооперативных поселков — Звиратице, в районе Седлчан центральной Чехии. Часть старой деревни здесь была затоплена во время постройки плотины. Ее жители были переселены в новые дома, построенные по особому

Рис. 6. Новые дома в кооперативном поселке Звиратице Седлчанского района (центральная Чехия)

проекту, в котором отчасти учитывались и народные традиции (главным образом во внешнем оформлении, см. рис. 6).

В новых домах — уже совершенно городского типа меблировка. Та же городская меблировка и в большинстве старых домов. В целом влияние города в Чехии сказывается значительно сильнее, чем в Словакии.

Кроме Чехии, мы побывали в некоторых районах Моравии. Здесь мы посетили две интересные в этнографическом отношении области — Валахию и Моравскую Словакию. По своему происхождению население этих областей тесно связано со словаками, но государственная граница, существовавшая несколько столетий, определила его своеобразие. Валашские срубные постройки очень напоминают постройки горной Словакии, а постройки Моравской Словакии, кстати, очень красочные, имеют много общего с южнословацкими. Деревни Моравской Словакии обычно ярко выраженного уличного типа: жилища с вытянутыми сзади них хозяйственными постройками плотно примыкают друг к другу, вход во двор через крытые ворота, служащие одновременно и хозяйственным помещением. Поселения такого типа часто встречаются и в равнинных областях Словакии.

Мне удалось побывать также и в венгерских деревнях на юге Словакии. Этническую границу между словаками и венграми здесь трудно провести, так как значительная часть словаков двинулась на юг после ухода турок. В Словакии сейчас живет много венгров, встречаются чисто венгерские деревни, а в северных областях Венгрии живет 350 тыс. словаков. Интересно, что венгерский дом в этих деревнях Словакии, да и в северной Венгрии, как мне удалось выяснить, почти ничем не отличается от южнословацкого. Лишь терминология совсем другая. Возможно, это объясняется тем, что кочевые племена мадьяр, появившиеся на этой территории в X в., застали здесь оседлое славянское население с гораздо более высоким уровнем культуры. Венгры, не имевшие до сих пор своего постоянного жилища, приняли чисто славянский его тип.

Два месяца пребывания в стране — это, конечно, небольшой срок для этнографа. Тем не менее поездка в Чехословакию многое дала мне для выяснения ряда важных вопросов, связанных с изучением крестьянских построек словацкого и чешского народов.

При изучении истории чешского и словацкого народного жилища прежде всего бросается в глаза его тесная связь с жилищем восточнославянских народов. Общность строительной техники, трехраздельность жилой связи и путь ее развития, одинаковое бытовое использование всех ее составных частей, сходная терминология — говорят о несомненной этнической общности западных и восточных славян.